ГОДЪ КІЕВСКІЯ XL.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1901 года. № 7. 1 Апрѣля.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Благословеніемъ и избраніемъ Высокопреосвященнѣйшаго нашего Архипастыря, съ утвержденія высшей церковной власти, къ веденію неоффиціальной части Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей призвана новая редакція въ усиленномъ, противъ прежняго, составѣ—отвѣтственнаго редактора и помощника его.

Приступая, съ Божіею помощію, къ дѣлу съ нынѣшняго свѣтлаго и радостнаго для всего христіанскаго міра дня, редакція одушевлена искреннимъ желаніемъ послужить родной епархіи, посредствомъ руководства печатнаго органа ея, отъ всего сердца, отъ всѣхъ силъ своихъ.

Задачу неоффиціальной части Епархіальныхъ Вѣдомостей лучшіе руководители ихъ полагаютъ въ томъ, что она должна служить дѣйствительнымъ печатнымъ

органомъ *мѣстной епархіи*, такъ чтобы въ ней находила для себя полное, истинное и ясное отраженіе многотрудная и разнообразная жизнь и дѣятельность *епархіальнаго духовенства*. Въ этомъ заключается существенное отличіе *епархіальнаго органа отъ всѣхъ другихъ періодическихъ изданій духовной литературы*.

Жизнь и дѣятельность епархіальнаго духовенства ярче всего выражается въ трудахъ періодическихъ собраній его, а также въ дѣятельности церковныхъ братствъ, обществъ и другихъ епархіальныхъ учрежденій, которыя стремятся къ осуществленію или высокихъ идеальныхъ цѣлей христіанской церковной жизни, или-же современныхъ потребностей, и которыя всегда сосредоточиваютъ около себя лучшія умственныя и нравственныя силы епархіи. Но не менѣе важнымъ выраженіемъ жизни и дѣятельности епархіальнаго духовенства служатъ также выдающіяся событія, или же сужденія, соображенія, проэкты и результаты наблюденій, либо практической дѣятельности, имѣющіе мѣсто въ жизни отдѣльныхъ, наиболѣе опытныхъ, членовъ епархіальнаго духовенства.

Отдѣльная епархія есть только малая часть великой русской православной церкви. Какъ ни своеобразна бываетъ жизнь отдѣльной епархіи, но она тысячами нитей переплетается съ жизнію другихъ епархій. Часто бываетъ такъ, что цѣлыя учрежденія и отдѣльныя лица въ разныхъ епархіяхъ трудятся надъ однимъ и тѣмъ же, и тогда какъ въ одной епархіи какой либо вопросъ еще только проникаетъ въ сознаніе духовенства, на-

зрѣваетъ, въ другихъ епархіяхъ онъ уже не только рѣшенъ, но и самое рѣшеніе его провѣрено жизненнымъ опытомъ. Само собою понятно, какое важное значеніе можетъ имѣть и какую пользу должно приносить знакомство духовенства одной епархіи съ лучшими мѣропріятіями и результатами дѣятельности духовенства другихъ епархій.

Настоящая жизнь епархіи есть продолженіе прошедшей жизни ея, и первая неразрывно связана съ послѣднею. Дѣятельность современнаго духовенства во многомъ существенно обусловлена прошедшею исторіею епархіи. Мѣстные епархіальные церковные обряды и религіозные обычаи наилучшее объясненіе себѣ находятъ въ епархіальной практикѣ, установившейся вѣками, въ этомъ своего рода епархіальномъ преданіи. Вслѣдствіе такой неразрывной связи настоящаго съ прошедшимъ, мы должны чаще обращаться мыслію назадъ, чтобы, съ одной стороны, возможно вѣрнѣе изображать и представлять себѣ прежнихъ дѣятелей епархіи—архипастырей и пастырей, вдохновляться ихъ завѣтными идеалами и стремленіями, а съ другой, вспоминая *дни древніе*, извлекать изъ нихъ поученіе для себя.

Жизнь человѣческая и, въ частности, епархіальная течетъ съ неудержимою быстротою, непрерывнымъ потокомъ временъ. Одни поколѣнія дѣятелей незамѣтно смѣняются другими, и изъ глубинъ вѣчности постоянно являются новыя событія часто въ такомъ разнообразіи,

что современному наблюдателю ихъ кажутся непонятными, случайными. Но въ мірѣ человѣческомъ нѣтъ ничего случайнаго и ничто здѣсь не проходитъ безслѣдно. Періодическая печать и наука подбираютъ мельчайшія событія человѣческой жизни, систематизируютъ ихъ, даютъ каждому свое мѣсто и свою цѣну. изучаютъ ихъ и подводятъ итоги, которыми должны пользоваться будущіе дѣятели, если они не хотятъ стоять на одномъ мѣстѣ, а желаютъ идти впередъ...

На основаніи всего сказаннаго, желательно было-бы, чтобы на страницахъ нашего епархіальнаго органа находили себѣ мѣсто результаты дѣятельности епархіальнаго же духовенства, лучшихъ силъ его—коллегіальныхъ и единичныхъ, свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ въ его жизни, обозрѣніе лучшихъ мѣропріятій и распоряженій въ другихъ епархіяхъ, разработка исторіи мѣстной епархіи, обозрѣніе и посильная оцѣнка произведеній духовной (и отчасти свѣтской) литературы, дающихъ руководственныя указанія для практической дѣятельности духовенства, или же изображающихъ жизнь его.

Таковы наши чаянія, желанія и намѣренія. Они могутъ быть осуществлены только подъ условіемъ дружнаго содѣйствія со стороны всего просвѣщеннаго духовенства нашей епархіи, изъ среды котораго и желательны были бы по преимуществу сотрудники редакціи и къ которому редакція обращается съ просьбою: принять ее въ мирѣ, встрѣтить ее любовію и поддержать братскимъ сочувствіемъ.

Христосъ воскресе!

О религіозномъ воспитаніи дѣтей въ семействѣ [1]).—Приглашенный предложить слово въ настоящемъ собраніи, я долго думалъ, какой предметъ избрать для своей бесѣды, достойный вашего просвѣщеннаго вниманія, рѣчь о которомъ могла-бы быть не безполезною для васъ.

Пройдя длинный путь жизни и вспоминая многое, пережитое мною, я остановился своею мыслію на первоначальномъ періодѣ нашей сознательной жизни, обнимающемъ собою годы нашего дѣтства, и вы не посѣтуете на меня, если я осмѣлюсь склонить ваше вниманіе къ юному поколѣнію, представители котораго имѣютъ замѣнить насъ на поприщѣ общественной дѣятельности, и на которое мы возлагаемъ свои лучшія надежды. Я приступаю къ рѣчи объ этомъ, одушевленный желаніемъ имъ всяческаго блага и возможно лучшаго устроенія ихъ жизни въ тѣ годы, когда они выступятъ самостоятельными дѣятелями.

Мы не можемъ не чувствовать глубокихъ симпатій къ дѣтямъ, еще не извѣдавшимъ злобы тяжелыхъ дней, надламывающихъ силы наши. Отъ нихъ вѣетъ ароматомъ чистоты и невинности. Самъ Спаситель нашъ съ ласкою любви обращался къ нимъ, приближалъ ихъ къ Себѣ и говорилъ, указывая на нихъ въ назиданіе людямъ, искушеннымъ жизнію, что *таковыхъ естъ царствіе Божіе* (Марк. X, 14). Это наше самое дорогое и высшее наслѣдіе, данное намъ Богомъ; это живое наслѣдіе должно будетъ продолжать, устроять и вести къ большему совершенству то дѣло, которое мы несемъ на раменахъ своихъ.

Вашъ взоръ любуется и пріятнымъ чувствомъ исполняется душа, когда весеннею порою оживленная природа украшается зеленою муравою и разнообразными цвѣтами. Кромѣ

---

[1]) Чтеніе, предложенное въ собраніи Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества (въ залѣ Фундуклеевской гимназіи), 4 марта 1901 года.

удовольствія, доставляемаго намъ украшенною природою, разсѣянные въ ней цвѣты возбуждаютъ въ насъ пріятную надежду на тѣ плоды, какими со временемъ, для нашей пользы, увѣнчаются разцвѣтающія и увеселяющія насъ растенія. Наши дѣти—тѣже цвѣты, только болѣе нѣжные и дорогіе, чѣмъ цвѣты, растущіе на землѣ. Мы не можемъ не любоваться этими юными отраслями, благоухающими невинностію и чистотою, и, смотря на нихъ, вспоминаемъ иной разъ съ чувствомъ отрады, другой разъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, улетѣвшіе отъ насъ невозвратные годы невиннаго дѣтства. А почему съ глубокимъ сожалѣніемъ? Потому что не сбылись тѣ сладкія надежды, какія возбуждалъ цвѣтъ юности нашей въ насъ и въ близкихъ къ намъ людяхъ; потому что тягость жизни надломила насъ; потому что мы утеряли прежнюю чистоту и невинность.

Можетъ быть, и дѣти наши, которыя нынѣ беззаботно живутъ подъ нашимъ попеченіемъ и питаютъ себя и другихъ радужными надеждами, со временемъ, когда заступятъ наше мѣсто, тоже съ сожалѣніемъ будутъ обращаться своею мыслію къ нынѣшнимъ юнымъ годамъ своимъ. Что ожидаетъ ихъ? И чѣмъ окажутся они впослѣдствіи? Путь жизни труденъ и не гладокъ. Житейская атмосфера полна бурь и треволненій. Цвѣты въ природѣ нерѣдко вянутъ отъ зноя солнечнаго и недостатка влаги; другіе срываются вѣтромъ или пропадаютъ отъ того, что надламывается стебель, на которомъ держатся они; третьи топчутся ногами или поядаются пасущимся стадомъ. Живымъ юнымъ лѣторослямъ нашимъ на тернистомъ пути мятущейся жизни труднѣе сохраниться во всей своей неприкосновенности, чѣмъ цвѣтамъ неодушевленнымъ, труднѣе достигнуть полнаго невозмущеннаго раскрытія красоты своей. Они ждутъ счастія въ жизни, и мы сулимъ имъ это счастіе. Но будетъ ли оно,—это желанное счастіе,—ихъ удѣломъ? Впереди у нихъ много опасностей, о какихъ они

нынѣ не имѣютъ представленія,—много неблагопріятныхъ вліяній, отъ которыхъ они, подобно цвѣтамъ, могутъ завянуть, и завянувъ, не принести ожидаемаго отъ нихъ плода и не воспользоваться радостями жизни.

Говоримъ это къ тому, чтобы напомнить вамъ о нашемъ священномъ долгѣ по отношенію къ дѣтямъ. Не любоваться только дѣтьми намъ слѣдуетъ, а первѣе всего заботиться объ ихъ охраненіи и надлежащемъ воспитаніи. Богъ даетъ намъ дѣтей и поставляетъ ихъ среди насъ, и насъ чрезъ то дѣлаетъ ихъ приставниками и хранителями, которые должны оберегать ихъ и всемѣрно способствовать ихъ правильному развитію. Богъ вдохнулъ въ насъ любовь къ дѣтямъ, чтобы мы охотнѣе исполняли возложенный на насъ долгъ ихъ охраненія и воспитанія. Въ очахъ Божіихъ такъ дороги юныя отрасли лучшихъ изъ созданій Божіихъ, что, кромѣ насъ, по слову Господа, къ нимъ приставлены небесные хранители, выну видящіе лице Отца небеснаго (Матѳ. XVIII, 10). Если мы небрежемъ объ ихъ воспитаніи, мы дѣлаемся виновными не только предъ ними, но первѣе всего предъ Богомъ, поручившимъ ихъ намъ, и потомъ противъ самой природы нашей. По закону, наблюдаемому въ исторіи и Богомъ установленному, за грѣхи отцовъ терпятъ наказаніе дѣти. *Азъ есмь Господь Богъ Твой, Богъ ревнитель* (говоритъ Господь), *отдаяй грѣхи отецъ на чада до третіяго и четвертаго рода* (Исх. XX, 5. XXXIV, 7). И если какой грѣхъ отцовъ сопровождается печальными послѣдствіями для дѣтей, то главнымъ образомъ грѣхъ небреженія о нихъ. Если мы не будемъ давать имъ надлежащей охраны,—для нихъ возможны, даже неизбѣжны, частыя преткновенія на негладкомъ пути жизни, на которомъ такъ много камней, утесовъ и стремнинъ. Отъ нашей небрежности они могутъ получить неправильное развитіе или задержаться въ своемъ духовномъ ростѣ. Отъ нашей небрежности можетъ быть надломлена ихъ природа

и испорчена ихъ жизнь, и они принесутъ другимъ и сами будутъ вкушать не сладкіе, а горькіе плоды отъ того, что, не было надлежащей заботы о нихъ во время ихъ возрастанія и созрѣваніи. И будетъ намъ горе и осужденіе за опущенный нами долгъ; будетъ и имъ горе и страданія, которыхъ они моглибы избѣжать, если-бы у нихъ были ревностные и умѣлые приставники. Итакъ (скажемъ словами Господа), *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ. А иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ..., уне естъ ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. XVIII, 10. 6).

На что-же намъ нужно обратить вниманіе въ своихъ заботахъ о дѣтяхъ, что-бы устроить жизнь ихъ возможно лучшимъ образомъ? Чѣмъ болѣе всего мы можемъ способствовать ихъ правильному развитію, и чѣмъ главнымъ образомъ можемъ содѣйствовать тому, чтобы образовать изъ нихъ людей крѣпкихъ, честныхъ, твердыхъ въ добрѣ и относительно счастливыхъ?

Дѣло воспитанія дѣло многосложное, и мы не можемъ въ короткомъ словѣ обнять всю широту его. Разнообразны силы въ человѣкѣ, и на каждую изъ нихъ при воспитаніи должно быть обращено вниманіе, и каждой при развитіи должно быть дано направленіе, соотвѣтствующее требованію и указанію природы. Много нуждъ и потребностей возстаетъ предъ нимъ, и всѣмъ имъ нужно дать удовлетвореніе. Думая устроить счастіе дѣтей, мы часто не на томъ сосредоточиваемъ свои заботы, что болѣе всего необходимо для человѣка и для его блага.

У многихъ, въ особенности въ массѣ простого народа, главный предметъ заботъ—физическое воспитаніе. Руководясь инстинктомъ природы, мать кормитъ дитя свое и заботится о томъ, чтобы оно было сыто и успокоено. Когда возрастетъ дитя, ему даютъ пищу, одежду и все необходимое для жизни

въ низшей ея сторонѣ,—жизни тѣлесной. Цѣль, какая достигается при этомъ,—физическое развитіе и здоровье. Нельзя пренебрегать и этимъ дѣломъ. Для полноты того блага, какого желаетъ человѣкъ, необходимъ крѣпкій, здоровый тѣлесный организмъ. *Здравіе и крѣпость* (говоритъ премудрый сынъ Сираховъ) *лучше есть всякаго злата, и тѣло здравое, нежели богатство безчисленное* (Сир. XXX, 15). Слабое, хилое тѣло препятствуетъ человѣку выполнять трудъ, на него возложенный, и само по себѣ составляетъ тяготу, подрывающую наше благосостояніе. Впрочемъ, въ отношеніи развитія и укрѣпленія физическаго организма, едва ли не у большинства семействъ, больше дѣйствуетъ природа, чѣмъ нарочитыя, разсчитанныя усилія воспитателей, хотя и здѣсь далеко не безъ значенія охраняющая заботливость человѣческая.

Но физическое развитіе дѣтей, совершающееся притомъ по естественному закону природы, меньше требуетъ заботъ отъ воспитателей и имѣетъ для жизни меньшую значимость, чѣмъ развитіе и образованіе души, соотвѣтственно высшему значенію въ нашемъ существѣ души предъ тѣломъ. Здѣсь мы видимъ значительныя различія и въ степени заботъ о дѣтяхъ, и въ ихъ качествѣ, то есть, въ тѣхъ цѣляхъ, какихъ хотятъ достигнуть. Всѣ хотятъ сдѣлать дѣтей счастливыми; но счастіе, какого желаютъ дѣтямъ, понимаютъ различно, и потому, ставя разныя цѣли, употребляютъ разныя воспитательныя средства для развитія дѣтей. Много заботятся иные о внѣшнемъ лоскѣ образованія,—хотятъ, чтобы дитя, пришедши въ возрастъ, блистало въ обществѣ и пользовалось здѣсь успѣхами, и часто заботливость о внѣшнемъ лоскѣ образованія идетъ въ ущербъ другимъ, болѣе важнымъ, сторонамъ развитія. У большинства первое желаніе и первая забота о томъ, чтобы дѣти отлично учились и съ возможнымъ успѣхомъ усвояли себѣ познанія, нужныя и полезныя для жизни. При этомъ имѣется въ виду, чтобы дѣти, хорошо прошедши курсъ

ученія, составили себѣ блестящую карьеру на той службѣ, къ которой ихъ готовятъ, или съ полнымъ успѣхомъ вели предназначенный имъ родъ занятій, дающій средства для жизни и положеніе въ обществѣ.

Все это прекрасно. Хорошо—приготовить изъ дѣтей людей умныхъ, знающихъ, полезныхъ дѣятелей и членовъ общества. Но не здѣсь, не въ умственномъ образованіи, не въ пріобрѣтеніи хотябы множества разнообразныхъ свѣдѣній,—корень, изъ котораго можетъ выростать крѣпость и счастіе человѣка, нами воспитываемаго; не здѣсь основаніе, на которомъ можетъ опираться достоинство человѣка и его сила, могущая противостоять разнымъ соблазнамъ и искушеніямъ. Самая глубокая и твердая основа, на которой опирается достоинство человѣка,—чувство божественнаго или религіозное чувство, и вотъ къ этой основѣ, къ утвержденію и развитію этого чувства первѣе всего должно быть обращено вниманіе воспитателей.

Человѣкъ созданъ по образу Божію, и съ этимъ совершеннымъ образомъ связанъ многими, невидимыми для насъ, нитями. Развить и укрѣпить въ человѣкѣ этотъ образъ, не дать порваться нитямъ, связующимъ насъ съ нимъ,—къ этому должна быть направлена главная и преимущественная забота воспитателей. Когда живо въ человѣкѣ религіозное чувство, чувство полной и постоянной зависимости отъ Бога, когда, какъ говорятъ, человѣкъ подъ Богомъ ходитъ, тогда онъ непоколебимо стоитъ на твердомъ камени, и его не поколеблютъ вѣтры, бушующіе вокругъ его,—будутъ ли то вѣтры наносныхъ ложныхъ ученій, или житейскихъ соблазновъ, или тяжелыхъ бѣдствій, разражающихся надъ его головой. По слову Писанія, *начало премудрости*, умудряющей человѣка во благо и спасеніе,—*страхъ Божій* (Притч. 1, 7). *Бога бойся и заповѣди Его храни* (Еккл. XII, 13), говоритъ Екклезіастъ: въ

этомъ сущность всего для человѣка. Когда Господь давалъ оправданія и суды свои избранному народу, Онъ заповѣдалъ ему, *да боишися Господа Бога твоего, и да сохраниши заповѣди Его и оправданія Его, да благо тебѣ будетъ и сыномъ твоимъ по тебѣ* (Втор. IV, 40. VI, 2—3). Въ комъ заглохло религіозное чувство, кто потерялъ страхъ Божій, тотъ сбросилъ съ себя узду, удерживающую его отъ пути нечестивыхъ, ведущаго къ погибели. „Кто Бога не боится и людей не стыдится", по народной поговоркѣ,—худой, пропащій человѣкъ; готовый на всякое беззаконіе; потому что у него нѣтъ никакихъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, нѣтъ началъ, охраняющихъ его нравственное достоинство. Но въ комъ живо религіозное чувство, кто боится Бога, тотъ всемѣрно старается идти путемъ, предначертаннымъ намъ Богомъ, ведущимъ насъ ко благу и совершенству, и если подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ или враждебныхъ силъ допуститъ хотя малое отступленіе отъ этого пути и нарушеніе данныхъ намъ заповѣдей святаго закона, онъ испытываетъ наказаніе и строгое осужденіе отъ своего внутренняго судіи и спѣшитъ опять возвратиться на тотъ спасительный путь, отъ котораго отступилъ въ увлеченіи какою либо страстію. Человѣкъ, боящійся Бога, всегда старается держаться честныхъ правилъ въ отношеніи къ другимъ; потому что этого требуетъ законъ Божій, который онъ носитъ и живо сознаетъ въ своемъ сердцѣ; потому что за нарушеніе этого закона угрожаетъ гнѣвъ Божій, который для него тяжелѣе, чѣмъ наказаніе гражданское. Человѣкъ религіозный всегда скорѣе можетъ быть добрымъ семьяниномъ, вѣрнымъ другомъ и товарищемъ, готовымъ на самопожертвованіе въ пользу ближняго. И въ своемъ личномъ поведеніи онъ избѣгаетъ всего, унижающаго человѣческое достоинство; потому что помнитъ о Богѣ, предъ которымъ открыты не только дѣла наши, но и тайныя помышленія и намѣренія. Съ живою религіозностью несовмѣстима нравствен-

ная распущенность и житейское легкомысліе.—Религіозное чувство съ другой стороны охраняетъ миръ и спокойствіе человѣка. Если разразится надъ нимъ бѣда какая и его постигнетъ несчастіе,—онъ не падетъ духомъ; потому что полагаетъ твердое упованіе на Бога. Онъ знаетъ и всегда помнитъ, что всеблагій Господь—нашъ покровитель и защитникъ, что безъ воли Его не падетъ и волосъ съ головы нашей, и что Онъ, всеблагій и милостивый, не оставитъ насъ среди напастей, насъ постигающихъ, и если допуститъ страдать насъ по Своему усмотрѣнію, то и это допуститъ для нашего же блага, и нашихъ страданій не оставитъ безъ своего возмездія, и подастъ намъ утѣшеніе. Чувствуя надъ собою бдительное око всеблагаго Отца небеснаго, онъ, обращенный къ нему душею, живетъ подъ нимъ, какъ подъ благодатнымъ покровомъ, и въ этомъ находитъ источникъ внутренняго мира и душевнаго спокойствія.

Не одни христіанскіе писатели въ религіи и религіозномъ воспитаніи видѣли коренное условіе для утвержденія въ человѣкѣ добраго поведенія и для насажденія въ немъ всего, сохраняющаго и возвышающаго достоинство человѣка. Сюда склоняли вниманіе людей, призываемыхъ къ заботамъ воспитанія, и лучшіе писатели языческой древности. „Чтобы быть добрымъ (говорилъ языческій философъ Сенека), [1]) необходимо имѣть величайшее благоговѣніе къ богамъ“. „Отнимите у людей благоговѣніе къ богамъ (говорилъ другой языческій писатель Цицеронъ [2]),—и погибнутъ въ мірѣ вѣрность, дружба и превосходнѣйшая добродѣтель—справедливость“. А величайшій изъ философовъ Платонъ такъ выражается по вопросу, нами затронутому: „Безъ сомнѣнія, лучшее свойство души человѣческой—всегда ходить предъ богами во всякой правдѣ

---

[1]) Senec. Epist. ad Lucil. LXXVI. (Leips 1832. 6. III, p. 215).

[2]) Cicer. De natura deorum, Lib. I. cap. 2. § 4 (Leips. 1887. S. 23—24).

и чистотѣ.... Кто вѣритъ въ бытіе Бога, тотъ произвольно никогда не сдѣлаетъ безчестнаго поступка. Потому лучшее наслѣдство, какое мы можемъ оставить дѣтямъ, не золото, а глубокое благочестіе“ [1]).

Кто же долженъ снабжать дѣтей нашихъ этимъ наслѣдіемъ, которое всего нужнѣе и важнѣе для нихъ, для устроенія ихъ жизни и для блага жизни общественной?

Всѣ мы,—старшее поколѣніе,—призываемся къ тому. Дѣти смотрятъ на насъ, перенимаютъ наши привычки и стараются подражать намъ. Соотвѣтственно образу нашей жизни и дѣятельности, на нихъ, даже безъ всякаго намѣренія нашего, отъ насъ происходитъ вліяніе, дающее извѣстное направленіе ихъ волѣ. Если у насъ нѣтъ благочестія и религіозности,—того духовнаго капитала, который, по справедливому указанію греческаго философа, болѣе нуженъ для дѣтей, чѣмъ золото,—то откуда мы возьмемъ это наслѣдіе, такъ важное для нихъ? Наша духовная бѣдность, отсутствіе въ насъ живаго религіознаго чувства, не отразится ли въ нихъ духовнымъ оскудѣніемъ? И не заглохнетъ ли въ нихъ врожденное религіозное чувство, когда кругомъ себя, въ примѣрѣ нашемъ, они будутъ видѣть проявленіе религіозной теплохладности и беззастѣнчивое нарушеніе священныхъ обязанностей нашихъ по отношенію къ Богу, налагаемыхъ на насъ нашею матерію—Церковію?

Мы сказали, что все старшее поколѣніе призывается и обязывается своимъ примѣромъ и вліяніемъ дѣйствовать на пробужденіе и утвержденіе въ дѣтяхъ чувства вѣры и благочестія. Но въ старшемъ поколѣніи Богомъ и природою даны дѣтямъ особые приставники и хранители, на которыхъ по преимуществу лежитъ обязанность всемѣрной заботы о

[1]) Платоновы разговоры о законахъ. Кн. XI. X. V. Въ переводѣ Оболенскаго (М. 1827 г. I. стр. 471, 416, 173).

нихъ, о ихъ цѣлости и правильномъ развитіи. Первыхъ хранителей и воспитателей дѣтей мы видимъ въ семействѣ,— этомъ исконномъ учрежденіи, самимъ Творцомъ нашимъ созданномъ для благоустроенія нашей жизни. Въ помощь этимъ естественнымъ, самимъ Богомъ призваннымъ, хранителямъ дѣтей, общество избираетъ нарочитыхъ людей, которымъ поручаетъ продолжать дѣло воспитанія дѣтей, начатое ихъ первыми непосредственными воспитателями. Это второе воспитаніе дается школою, существующею во всѣхъ благоустроенныхъ обществахъ для болѣе усовершенствованнаго приготовленія дѣтей къ предстоящей имъ дѣятельности. Но въ дѣлѣ воспитанія религіознаго семейству принадлежитъ главное и первенствующее значеніе, гораздо болѣе важное, чѣмъ школѣ, и священная обязанность приготовить изъ дѣтей вѣрныхъ чадъ Божіихъ первѣе всего лежитъ на родителяхъ, которымъ Богъ даетъ дѣтей, и въ сердце которыхъ вселяетъ любовь къ нимъ, побуждающую ихъ простирать свою заботливость о нихъ до самопожертвованія. Здѣсь, въ семействѣ первѣе всего формируется нравственный обликъ дитяти. Здѣсь въ молодыя души кладутся сѣмена, которыя потомъ, возрастая, принесутъ плодъ по роду своему. Первыя впечатлѣнія, получаемыя юною душею, никогда потомъ совершенно не изглаждаются изъ нея, и что воспринимается человѣкомъ въ годы перваго его развитія, служитъ тѣмъ основнымъ капиталомъ, на который живетъ онъ въ теченіе дальнѣйшей своей жизни. „Молодой возрастъ (скажемъ словами одного изъ русскихъ святителей), какъ скудельный сосудъ, чѣмъ напоенъ будетъ, добрымъ или злымъ, такую воню и впослѣдствіи издавать будетъ“ [1]). Школѣ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія мы придаемъ уже второстепенное значеніе, потому что въ школу поступаетъ дитя уже съ болѣе или менѣе сложившимися зачатками нрав-

[1]) Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ § 88.

ственнаго облика, и ходя въ нее, въ особенности на первыхъ порахъ, оно не освобождается отъ семейнаго вліянія. „Семейство (говоритъ одинъ педагогъ) есть лучшая школа для насажденія зачатковъ вѣры, и если семейство исполнило свой долгъ, то задача школы въ этомъ отношеніи дѣлается легкою" [2]). Притомъ чрезъ школу проходятъ далеко не всѣ, даже нынѣ, когда видимъ усиленныя заботы о повсемѣстномъ учрежденіи школъ.

Какъ же семейство можетъ и должно дѣйствовать на пробужденіе и утвержденіе въ дѣтяхъ религіознаго чувства? Какими средствами оно можетъ образовать изъ нихъ чадъ Божіихъ, хранящихъ святыню вѣры, въ Богѣ полагающихъ упованіе свое и послушныхъ Его велѣніямъ.

Для этого не нужно, и мы не хотимъ рекомендовать, никакихъ искусственныхъ пріемовъ. Дѣлайте то, что предписываетъ вамъ вѣра и церковь, и подъ вліяніемъ вашимъ дитя утвердится въ правилахъ вѣры и благочестія. Внѣшняя христіанская обстановка семейнаго дома, порядокъ жизни, устрояемый по преданіямъ и завѣтамъ церкви, частыя внушенія и простыя бесѣды, напоминающія дѣтямъ о Богѣ, Творцѣ, Промыслителѣ и Спасителѣ нашемъ, о Его любви къ намъ, о нашей полной зависимости отъ Бога и необходимости исполненія всего, заповѣданнаго намъ Господомъ,—вотъ средства, какими располагаетъ семейство, для утвержденія въ дѣтяхъ религіознаго настроенія.

Всякій христіанскій домъ долженъ представлять изъ себя домашнюю церковь, и въ этой домашней церкви видимымъ образомъ должна быть выражена вѣра, живущая въ сердцахъ христіанскихъ, и благоговѣйное памятованіе о Богѣ. Наглядными знаменіями этой вѣры и памятованія о Богѣ служатъ святыя иконы, которыя должны быть первымъ, наиболѣе

---

[2]) Чтеніе о воспитаніи П. Юркевича, стр. 209.

цѣнимымъ, украшеніемъ христіанскаго дома. Эти священные предметы, сами по себѣ, способны возбуждать религіозное чувство. Но особенно впечатлительно и сильно можетъ дѣйствовать на дѣтей видъ этой святыни, когда родители и вообще старшіе члены семьи съ полнымъ благоговѣніемъ относятся къ святымъ иконамъ, напоминающимъ намъ о Богѣ Спасителѣ или Божіей Матери, или о святыхъ угодникахъ Его, нашихъ молитвенникахъ предъ Богомъ. Хорошо, если эта домашняя святыня не только блюдется въ чистотѣ, но и украшается такъ или иначе, по мѣрѣ усердія и имущества старшихъ членовъ семьи. Хорошо, если предъ нею возжигается лампадка, хотя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ: огонь этой лампадки служитъ знаменіемъ теплой молитвы, возносимой домашними къ святымъ небожителямъ. Предъ этою святынею члены семьи удовлетворяютъ требованіямъ своего религіознаго чувства, и, благоговѣйно преклоняясь предъ нею, возносятъ свои молитвы къ Богу. Когда видитъ дитя это,—оно само невольно и незамѣтно исполняется чувствомъ благоговѣйнаго почитанія святыни Божіей, и вслѣдъ за отцомъ и матерію, и по ихъ примѣру, само преклоняется предъ нею, и еще до раскрытія полнаго сознанія научается молиться Богу, и эта дѣтская безсловная молитва можетъ быть пріятнѣе Богу, чѣмъ молитва, произносимая изъ нашихъ грѣшныхъ устъ. Если же въ семействѣ забываютъ объ этой святынѣ,—первой принадлежности христіанскаго дома, и не воздаютъ ей достодолжнаго почитанія и поклоненія,—этимъ отнимаютъ у дѣтей одно изъ главныхъ средствъ, возбуждающихъ и питающихъ религіозное чувство.

При словѣ о святыхъ иконахъ, служащихъ украшеніемъ христіанскаго дома, сама собою припоминается намъ другая святыня, возлагаемая на каждаго изъ насъ. Мы разумѣемъ святой крестъ, возлагаемый на насъ при крещеніи. Церковь

возлагаетъ на насъ этотъ святой крестъ, чтобы онъ постоянно напоминалъ намъ о нашемъ воцерковленіи, о нашемъ пріобщеніи къ числу спасаемыхъ. Нужно, чтобы этотъ святый крестъ никогда не снимался съ груди, какъ дитяти, такъ и другихъ старшихъ членовъ семьи. Нужно, чтобы дитя знало, что этотъ крестъ—знаменіе нашего спасенія, и что онъ охраняетъ насъ отъ навѣтовъ вражіихъ. Носимый на груди, онъ напоминаетъ сердцу нашему о Христѣ, за насъ распятомъ и спасшемъ насъ своею смертію, и это напоминаніе, конечно, не безъ значенія для возбужденія и укрѣпленія религіознаго чувства. Дурно, если теряютъ это священное знаменіе, напоминающее намъ о нашемъ воцерковленіи. Еще хуже, если прямо пренебрегаютъ имъ и не считаютъ нужнымъ носить на себѣ эту святыню. Намъ памятно знаменательное изреченіе одного благочестиваго старца: „Если мы оставимъ носить крестъ, возлагаемый на насъ при крещеніи, то и насъ можетъ оставить непобѣдимая и непостижимая сила честнаго и животворящаго креста“.

Второе условіе добраго семейнаго вліянія на дѣтей, въ дѣлѣ утвержденія религіознаго чувства,—порядокъ жизни семейной, отмѣченный печатію религіозности. Добрые христіане начинаютъ каждое дѣло молитвою. Они молятся Богу, воставши отъ сна, предъ началомъ дневныхъ занятій,—молятся и отходя ко сну, по окончаніи дневныхъ трудовъ,—молятся они предъ обѣдомъ и предъ ужиномъ, и по окончаніи обѣда и ужина, и все это совершаютъ истово, съ благоговѣніемъ. Въ иныхъ благочестивыхъ семействахъ, къ сожалѣнію чрезвычайно рѣдкихъ, вечернія и утреннія молитвы совершаются всѣми вмѣстѣ. Нужно ли говорить, какъ все это благотворно отражается на дитяти? Дитя смотритъ на родителей, перенимаетъ то, что они дѣлаютъ, и само пріучается къ порядку жизни, заведенному и хранимому въ семействѣ. Старшіе кладутъ на себя крестное знаменіе, и оно тоже дѣлаетъ, старшіе кладутъ

земные поклоны, и оно за ними. Пусть это въ началѣ дѣлается полусознательно. Это первоначально полусознательное подражаніе старшимъ съ теченіемъ времени обратится въ привычку, которая освѣтится сознаніемъ христіанскаго долга,— и утвердится въ дитяти, перешедшемъ въ юношескій возрастъ, такое настроеніе, при которомъ оно никогда не будетъ оставлять долга молитвы предъ Богомъ.

Въ добромъ семействѣ дни воскресные и праздничные отличаются отъ буднихъ дней особымъ чествованіемъ. Всѣ поступки старшихъ членовъ семьи въ такіе дни внятно говорятъ воспріимчивому чувству, что это дни Божіи, что въ эти дни по преимуществу нужно служить Богу. Первымъ дѣломъ взрослыхъ въ такіе дни пойти въ церковь на утреню или всенощную и на обѣдню, и они берутъ съ собой дѣтей, заставляя и пріучая ихъ участвовать въ общественной молитвѣ Священная радость праздника, чествуемаго въ семействѣ, обнимаетъ душу дитяти, и оно, разъ испытавъ эту радость, ждетъ—не дождется праздника, чтобы снова сердце его исполнилось пріятными, разъ испытанными, впечатлѣніями. Пріучившись ходить въ церковь въ воскресные и праздничные дни съ дѣтства, дитя, когда возрастетъ, будетъ считать грѣхомъ для себя пропустить богослуженіе въ нарочитые священные дни. Его будетъ безпокоить совѣсть, если онъ нарушитъ долгъ христіанина освятить праздничный день участіемъ въ богослуженіи.

И въ другихъ случаяхъ въ добрыхъ христіанскихъ семействахъ все совершается по чину и благословенію церковному. Тамъ семейныя торжества, въ родѣ именинъ или дней рожденія или другихъ какихъ либо знаменательныхъ событій, предначинаются молитвою, а мірское празднованіе,—принятіе гостей и раздѣленіе съ ними трапезы,—является дополненіемъ къ религіозному торжеству. Въ достопамятные для семейства дни тамъ часто зовутъ въ домъ служителя церкви, чтобы онъ

освятилъ домъ и день благословеніемъ церковнымъ, и вмѣстѣ со всѣми домашними вознесъ молебное пѣніе къ Богу, Раздаятелю даровъ, земныхъ и небесныхъ. Тамъ не позволяютъ себѣ пренебрегать заповѣдію о постахъ. Тамъ съ особенною сосредоточенностію и молитвеннымъ настроеніемъ проводятъ дни говѣнія, и съ великимъ вниманіемъ приготовляются къ принятію таинствъ исповѣди и причащенія тѣла и крови Господней. И на древѣ добромъ возрастаютъ и созрѣваютъ плоды добрые. Юныя отрасли въ благочестивыхъ семействахъ всегда являются вѣрными тѣмъ завѣтамъ и преданіямъ, какія въ нихъ блюдутся.

Мы не можемъ сказать, чтобы добрый христіанскій порядокъ жизни твердо сохранялся въ нынѣшнихъ нашихъ семействахъ. Мѣняются и изчезаютъ добрые старые нравы. „Много согрѣшили и грѣшимъ мы предъ Богомъ, пренебрегая установленіями церкви и благочестивыми преданіями отцовъ нашихъ (писалъ московскій митрополитъ Филаретъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда при разнузданности мысли, переставшей слушаться указаній вѣры, особенно замѣтно стало оскудѣніе благочестія въ нашемъ обществѣ); а примѣръ подаютъ люди высшихъ и среднихъ сословій". Лучше ли нынѣ стало, чѣмъ было тогда, когда писалъ слова скорби нашъ великій и прозорливый святитель? Сомнительно. Многіе ли нынѣ соблюдаютъ посты, установленные церковію? Вездѣ ли молятся утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда? Считаютъ ли нынѣ непремѣннымъ долгомъ ходить въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ? Прежде, въ дни нашей юности, осенью и зимою, утрени или всенощныя служились не съ вечера, а глубокимъ утромъ, за долго до разсвѣта, и люди нелѣнились вставать въ три или четыре часа утра, и будили дѣтей своихъ, чтобы вмѣстѣ съ ними пойти въ церковь. И помню я, въ трескучіе морозы (я уроженецъ сѣверной губерніи), глубокою ночью, мы, дѣти, спѣшили въ церковь

къ утрени, по первому удару колокола. Этого мало. Иные изъ насъ скорбѣли и просто плакали, если въ великій праздникъ просыпали начало утрени и являлись въ храмъ уже среди всенощнаго богослуженія. Прибавить къ тому нужно, и храмы тогда были не такіе теплые, какъ нынѣ... А въ настоящее время многіе ли пошли бы въ церковь въ такіе ранніе часы, въ какіе мы, бывало, ходили? Нынѣ, въ виду измѣнившихся обычаевъ и ослабленія благочестивой ревности христіанъ, утрени или всенощныя богослуженія цѣлый годъ, за исключеніемъ особенныхъ дней, отправляются съ вечера: церковь щадитъ изнѣженныхъ и ослабѣвшихъ членовъ свои. Но и на вечернее богослуженіе предъ воскреснымъ или праздничнымъ днемъ всѣ ли считаютъ долгомъ являться? У насъ нынѣ даже, какъ будто наперекоръ зову церкви, по преимуществу по субботамъ когда идетъ всенощная, устрояются общественныя или частныя увеселительныя собранія. Какъ это вредно дѣйствуетъ на дѣтей, на ослабленіе и изсушеніе въ нихъ религіознаго чувства,—понятно само собой.

Третье средство, какимъ старшіе члены сами могутъ дѣйствовать на возбужденіе и утвержденіе религіознаго чувства въ дѣтяхъ,—благочестивыя бесѣды и частныя напоминанія о Богѣ, который даетъ намъ все, и предъ которымъ мы должны будемъ отвѣчать за всѣ свои поступки. Въ глубинѣ нашего существа положено начало вѣры въ Бога и Его промышленіе о насъ. Будите эту вѣру, дайте пищу ей; пусть она, при вашемъ посредствѣ, изъ неяснаго и зыбкаго чувства, переходитъ на степень сознательнаго и твердаго убѣжденія. Простымъ словомъ передавайте дитяти свои святыя вѣрованія,—говорите ему, какъ Богъ любитъ насъ, и что Онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ для насъ; напоминайте ему, чего Богъ требуетъ отъ насъ, и не забывайте внушать ему, что Богъ, хотя многомилостивъ и человѣколюбивъ, но гнѣвается на насъ, когда мы поступаемъ противъ Его заповѣдей и т. под. Пусть имя

Божіе будетъ первымъ словомъ, которое вы сообщите дитяти,—первымъ предметомъ, благоговѣйное почитаніе котораго вы передадите ему. Дитя любитъ разсказы: говорите ему о святыхъ угодникахъ, о ихъ подвигахъ и терпѣніи, о чудесахъ, какія они совершали по благодати Божіей, о той помощи, какую они сильны оказывать обращающимся къ нимъ. Прежде всѣхъ другихъ познаній, познаніе о Богѣ должно быть сообщаемо воспріимчивому уму дитяти. „Какъ человѣческій родъ (совершенно справедливо говоритъ одинъ педагогъ) [1]) имѣлъ вѣру въ Бога прежде, чѣмъ онъ обогатилъ себя полезными для общежитія свѣдѣніями, научился различнымъ искусствамъ и позналъ основанія гражданственности, такъ и дитя должно принять въ свое сердце зачатки вѣры ранѣе другихъ зачатковъ образованія: мысль о Богѣ, о Его милости, Его любви къ человѣку должна быть въ его духѣ самая древнѣйшая; она должна происходить изъ того времени, когда дитя, не зная ни заботъ, ни золъ міра, жило любовію и попеченіемъ родителей, которые были для него видимыми представителями любвеобильнаго провидѣнія Божія. Обстоятельства послѣдующей жизни съ ея частыми тревогами и рѣдкими радостями настойчиво понуждаютъ человѣка вспоминать эту первую любовь, и при этомъ живая вѣра въ Бога и преданность Его волѣ оживаютъ въ духѣ, какъ самыя святыя черты его повинности“.—*Отцы*, говоритъ апостолъ, *воспитывайте чадъ своихъ въ наказаніи и ученіи Господни* (Ефес. VI, 4).

Въ практикѣ современнаго воспитанія нерѣдко забываютъ эту святую истину, и не считаютъ нужнымъ первѣе всего насаждать въ сердцахъ дѣтей зачатки вѣры. Инымъ даже кажется лучшимъ наполнять раскрывающееся сознаніе дитяти представленіемъ наглядныхъ вещей житейскаго обихода, чѣмъ напоминаніемъ о Богѣ и божественныхъ предметахъ. Для примѣра

---

[1]) Чтенія о воспитаніи, П. Юркевича. стр. 208—209.

мы позволимъ себѣ указать на одинъ педагогическій пріемъ, хотя не заслуживающій особаго нареканія, но характерно отмѣчающій нашу педагогическую практику. Когда насъ въ старые годы учили грамотѣ и давали въ руки первую учебную книгу—азбуку, въ ней на первыхъ страницахъ было напоминаніе о священныхъ предметахъ. Въ азбукѣ первая буква, съ которой начинается ученіе, А, или по старому, Азъ, и въ поясненіе того, какъ произносится эта буква, въ старой учебной книгѣ приводились слова: *ангелъ*, *ангельскій*, *архангелъ*, *архангельскій*. Вторая буква Б. За нею, въ примѣръ произношенія, ставились слова: *Богъ*, *Божество*. Соотвѣтствено съ этимъ во всемъ содержаніи этой первоначальной учебной книги подбираются и представляются вниманію дитяти, начинающаго учиться, священные предметы и наставленія, питающія чувство вѣры и благочестія. На смѣну этой старой азбуки явилась новая, преслѣдующая наглядность обученія. И вотъ въ ней послѣ буквы А стоитъ слово: не „ангелъ“, а „ананасъ“, котораго большинство дѣтей нашихъ никогда не видитъ, а послѣ Б не „Богъ“, а „быкъ“ и т. д. и въ соотвѣтствіе этихъ примѣровъ строится все содержаніе учебной книги. Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ кажутся болѣе цѣлесообразными и приличными примѣры, приведенные въ старой азбукѣ, чѣмъ въ новой. Православный народъ нашъ считаетъ грамоту дѣломъ священнымъ, и вотъ дитя народа, перекрестясь, садится за азбуку, и его съ самаго начала занимаютъ словами: ананасъ, быкъ и т. под., и дается пища не религіозному чувству, а другому болѣе низменному. Вы скажете, что это вещи мелочныя, которымъ можно бы не придавать значенія. Но одна, другая, третья частность, отвлекающая вниманіе дитяти отъ религіозныхъ предметовъ, и замѣняющая ихъ предметами, относящимися къ низшей сферѣ,—и понижается настроеніе человѣка. Взоръ его былъ обращенъ къ Богу, а его склоняютъ долу, и заставляютъ смотрѣть на то, что подъ ногами.

Мы бываемъ виновными предъ дѣтьми еще въ большемъ. Иные изъ насъ не стѣсняются въ присутствіи дѣтей вести легкомысленные разговоры, въ которыхъ ясно сквозитъ нотка маловѣрія или даже невѣрія,—позволяютъ себѣ насмѣшки и глумленія надъ священными лицами и предметами, подвергаютъ осужденію выраженіе благочестія народа, водящагося простотою вѣры. Нѣтъ, въ присутствіи дѣтей, *словесемъ твоимъ сотвори вѣсъ и мѣру, и устамъ твоимъ сотвори дверь и затвору* (Сир. XXVIII, 29). Наши вольныя, неосторожныя и необдуманныя бесѣды гибельно дѣйствуютъ на дѣтскую душу, убивая въ ней святое чувство. Остерегайтесь бросать тлетворное сѣмя на неиспорченную почву дѣтской души. Отъ вашихъ неосторожныхъ, легкомысленныхъ словъ незамѣтно проторгается ядъ въ душу дитяти и, воспринятый ею, производитъ въ ней губительное дѣйствіе. И себя самихъ вы этимъ подвергаете суду гнѣва Божія. *Иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя* (повторимъ мы слова Господа, уже разъ приведенныя нами), *уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. XVIII, 6).

Отъ теоретическихъ разсужденій мы обращаемся къ урокамъ исторіи, и историческіе примѣры наглядно подтверждаютъ намъ то положеніе, что доброе семейное воспитаніе первая и самая твердая основа религіознаго настроенія дѣтей, которое, бывъ укоренено въ нихъ въ юные годы, потомъ входитъ въ плоть и кровь ихъ, и если потомъ встрѣтятся имъ противоборствующія вліянія, они не поддаются имъ и удерживаютъ то, чѣмъ снабдило ихъ семейство. Спросите исторію: откуда выходили великіе свѣтильники церкви, крѣпкіе вѣрою и святыми нравами, прославляемые потомствомъ? И она скажетъ вамъ: изъ тѣхъ семействъ, въ которыхъ укоренено было благочестіе, и твердо хранились завѣты вѣры. Было въ четвертомъ христіанскомъ вѣкѣ одно дивное, достоподражаемое се-

мейство,—семейство св. Василія Великаго. Всѣхъ дѣтей у благочестивыхъ родителей Василія Великаго было десять, и весь этотъ десятиричный сонмъ отличается святостію жизни, твердостію и чистотою вѣры. Всѣ они, по словамъ св. Григорія Богослова [1]), представляютъ „блаженнѣйшее число іереевъ, дѣвственниковъ и обязавшихся супружествомъ, впрочемъ такъ, что супружеская жизнь не воспрепятствовала имъ наравнѣ съ первыми преуспѣвать въ добродѣтели". Одинъ изъ нихъ, св. Василій Великій, вселенскій учитель, другой—св. Григорій нисскій, знаменитый отецъ церкви, третій—св. Петръ севастійскій, чтимый за святость жизни, четвертый—инокъ Павкратій, въ молодые годы подававшій примѣръ аскетической жизни, и утонувшій, на двадцать четвертомъ году жизни, на службѣ для престарѣлой братіи; старшая сестра, Макрина, удивительная по высотѣ духа начальница христіанскихъ дѣвственницъ... А отчего такой сонмъ великихъ святыхъ вышелъ изъ одного семейства? Отъ того, что отличіемъ отцова и матерняго рода у нихъ было благочестіе, отъ того, что въ ихъ домѣ издавна сохранялись святые обычаи, предписываемые церковію. Ихъ бабка Макрина воспитала въ строгомъ благочестіи сына своего, отца Василіева, по имени тоже Василія, и болѣе всего желала, чтобы изъ сына ея вышелъ благочестивый человѣкъ, и сынъ ея, по словамъ св. Григорія, достигъ исполненія родительскихъ желаній, и всѣхъ превосходилъ добродѣтелію, и только въ одномъ сынѣ нашелъ препятствіе удержать за собою первенство. Она избрала ему супругу Еммелію, также изъ благочестиваго семейства, которая то же была между женами по добродѣтели, что супругъ ея между мужами. Бабка Макрина брала подъ свое непосредсвенное попеченіе внуковъ своихъ и насаждала въ нихъ первыя сѣмена

[1]) Творенія св. Григорія Богослова. т. IV стр. 61—62. Надгробное слово Василію, архіепископу Кесаріи Каппадокійскія.

вѣры и благочестія. Она разсказывала имъ, какъ предки ихъ твердо стояли за вѣру и указывала между ними такихъ, которые не мало пострадали за исповѣданіе имени Христова. Она учила ихъ молиться Богу и сама молилась съ ними; она водила ихъ въ храмъ Божій, и смотря на ея примѣръ, они во время богослуженія съ благоговѣніемъ возносили изъ чистыхъ дѣтскихъ сердецъ теплыя молитвы къ Создателю. Къ вліянію примѣра бабки и родителей для младшихъ членовъ семьи присоединилось вліяніе старшаго брата и сестры: св. Макрина, старшая изъ дѣтей Василія и Еммеліи, и св. Василій Великій, старшій изъ братьевъ, своими строгими нравами, своими высокими подвигами, своимъ религіознымъ настроеніемъ, для младшихъ членовъ семьи были внушительнымъ образцомъ, располагавшимъ къ подражанію. Удивляясь высокой добродѣтели св. Василія Великаго и его братьевъ и сестеръ, св. Григорій Богословъ замѣчаетъ: „ежели изъ дѣтей одинъ или двое бываютъ достойны похвалы, то сіе можно приписать и природѣ. Но превосходство во всѣхъ очевидно служитъ къ похвалѣ родившихъ и воспитавшихъ",—къ похвалѣ того строгаго порядка, какой царилъ и держался въ домѣ.

Особенно доброе вліяніе въ дѣлѣ религіознаго воспитанія можетъ и должна оказывать на дѣтей мать, и церковь призываетъ ее къ этому и возлагаетъ на нее свои надежды. Дитя, еще до появленія на свѣтъ, живетъ неразрывною жизнію съ матерію, и согрѣвается ея живительною теплотою, и, по появленіи, на свѣтъ отъ нея получаетъ первую пищу, поддерживающую жизнь его. Но физическимъ питаніемъ не должна ограничиваться обязанность разумной матери. У дитяти, кромѣ тѣла, есть душа, которая также требуетъ питанія, какъ и тѣло. Проблески этой духовной жизни появляются тотчасъ же, какъ начинаетъ возрастать и укрѣпляться тѣло. Блюсти за этимъ проявленіемъ духовной жизни дитяти, развивать ее и давать ей направленіе самою природою призвана первая

приставница и хранительница дитяти,—мать, на рукахъ которой выростаетъ оно. Отъ нея слышитъ оно первыя слова и научается говорить; къ ней обращается съ своими желаніями,—къ ея ласкамъ привыкаетъ и отъ нея воспринимаетъ первыя впечатлѣнія, составляющія основной духовный капиталъ его для жизненнаго поприща. Вслѣдствіе этого „религіозное воспитаніе",—это дѣло высокой, первостепенной важности для выработки добраго характера и устроенія истиннаго счастія человѣка (говорила недавно скончавшаяся королева англійская),—всего лучше совершается на колѣняхъ у матери" Нѣжность любящаго женскаго сердца дѣлаетъ ее особенно способною къ образовательному дѣйствію на мягкую и гибкую душу дитяти и даетъ ей въ этомъ отношеніи такія силы, какихъ не имѣетъ сравнительно болѣе холодный мужъ, при томъ болѣе расположенный къ внѣшней дѣятельности и отвлекаемый разными заботами отъ своего дома. Пусть же мать сообщаетъ своему дитяти первыя понятія о Богѣ и полагаетъ основы въ его душѣ для возрастанія его въ вѣрѣ и благочестіи, что важнѣе питанія тѣлеснаго,—и мать, христіанка не по имени только, непремѣнно исполнитъ эту обязанность. Она знаетъ, что „не одно рожденіе (какъ говоритъ св. Тихонъ Задонскій) дѣлаетъ ее матерію, но и доброе воспитаніе дѣтей". И если мать исполнила свою христіанскую обязанность по отношенію къ своему дитяти, это дитя, возросши, съ умиленіемъ и благодарностію будетъ воспоминать заботы своей матери о той духовной пищѣ вѣры, которою питался онъ отъ нея, при первомъ пробужденіи сознательной жизни. И мы не можемъ, безъ глубокаго волненія, читать трогательныя выраженія чувствъ благодаренія къ своей матери отъ людей, воспитанныхъ ею въ духѣ вѣры и благочестіи. „Благодарю тебя, дорогая мать моя (говоритъ одинъ изъ таковыхъ, обращаясь къ умершей матери своей). Благодарю тебя! Я вѣчно останусь твоимъ должникомъ! Когда замѣчалъ твой взоръ, твои тѣлодвиженія,

твое хожденіе предъ Богомъ, твои страданія, твое молчаніе, твои дары, твои труды, твою благословляющую руку, твою тихую, постоянную молитву,—тогда, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, каждый разъ какъ бы вновь возраждалась во мнѣ жизнь духа,—чувство благочестія. И этого чувства не могли послѣ истребить никакія понятія, никакія сомнѣнія, никакія обольщенія, никакіе вредные примѣры, никакія страданія, никакія притѣсненія, даже никакіе грѣхи. Еще живетъ во мнѣ эта жизнь духа, хотя протекло уже болѣе сорока лѣтъ, какъ ты оставила временную жизнь [1]).

Мы полагаемъ, что въ средѣ нашей не мало такихъ матерей, за которыхъ возносятся горячія молитвы отъ дѣтей, воспитанныхъ ими въ духѣ благочестія. Но онѣ скрываются въ неизвѣстности и вѣдомы одному Богу. А исторія выставляетъ намъ величественные образы женъ, воспитавшихъ для церкви изъ своихъ дѣтей такихъ мужей, которые сдѣлались великими свѣтильниками вселенной,—выставляетъ съ тѣмъ, чтобы всѣ чтили ихъ за ихъ святой подвигъ, а матери подражали имъ. Назовемъ прежде всего Нонну, мать святаго Григорія Богослова. По словамъ этого славнаго сына своего (въ надгробномъ словѣ брату Кесарію), она „издревле и въ предкахъ посвященная Богу, не только сама обладаетъ благочестіемъ, неотъемлемымъ наслѣдіемъ, но передаетъ оное и дѣтямъ... И она до того возрастила и пріумножила сіе наслѣдіе, что нѣкоторые увѣрены и увѣряютъ, будто бы совершенства, видимыя въ мужѣ, были единственно ея дѣломъ, и (что чудно) въ награду за благочестіе жены дано мужу большее и совершеннѣйшее благочестіе... Для нея и въ дѣтяхъ одно было утѣшеніе, чтобы они прославлялись и именовались во Христѣ; подъ благочадіемъ она разумѣла добродѣтель и приближеніе дѣ-

[1]) О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія. Евсевія, изд 1853 г., стр. 239.

тей къ совершенству“ [1]). Въ особенности ея вниманіе обращено было на воспитаніе въ благочестіи старшаго сына своего Григорія. Не имѣя долгое время дѣтей мужескаго пола, она просила Бога увѣнчать ея супружество дарованіемъ ей сына, и эту молитву подкрѣпляла обѣтомъ посвятить сына, если Богъ даруетъ его ей, на служеніе Богу и Его святой церкви. Св. Григорій былъ такимъ образомъ чадомъ молитвы и благочестиваго обѣта, подобно пророку Самуилу. Благодарная Богу за исполненіе ея материнскій молитвы, Нонна всѣ заботы приложила къ тому, чтобы изъ дарованнаго ей сына возросъ человѣкъ по сердцу Божію, и тотъ духъ благочестія, которымъ была проникнута, старалась всецѣло передать своему сыну. И сынъ, получивъ отъ матери это доброе наслѣдіе, свято хранилъ его и умножилъ подвигомъ своей жизни. Гдѣ бы онъ ни былъ, для него всегда были памятны священные завѣты матери, и они направляли его на пути, угодные Богу. Встрѣчались ему искушенія и соблазны: вспоминалъ онъ о своей матери и ея благочестіи, о ея желаніи видѣть въ сынѣ вѣрнаго Богу,—и онъ безъ труда являлся побѣдителемъ надъ соблазнами и искушеніями. Когда онъ переживалъ самый опасный и для иныхъ бурный періодъ своей жизни, при переходѣ отъ юности въ возмужалость и былъ окруженъ товарищами, изъ которыхъ большинство были язычники, не отличавшіеся скромными нравами, онъ, воспитанный въ правилахъ благочестія, отнюдь не измѣнялъ добродѣтели, которая для него (по его собственнымъ словамъ), какъ и для друга его, св. Василія Великаго, вмѣстѣ съ нимъ слушавшаго уроки въ высшей тогдашней аѳинской школѣ, была единственнымъ упражненіемъ. „Мы вели дружбу (говоритъ св. Григорій) и съ товарищами, но не съ наглыми, а съ цѣломудренными, не

---

[1]) Творенія св. Григорія Богослова. Надгробное слово брату Кесарію. Т. I, стр. 243—244.

съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не безъ пользы сойтись; ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель; такъ какъ скорѣе заразиться болѣзнію, нежели сообщить другимъ свое здоровье. Намъ извѣстны были всѣ дороги: одна—это первая и превосходнѣйшая—вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая—это вторая и не равнаго достоинства съ первою—вела къ наставникамъ наукъ внѣшнихъ. Другія же дороги—на праздники, на зрѣлища, въ народныя стеченія, на пиршества—предоставляли мы желающимъ. Ибо и вниманія достойнымъ не почитали того, что не ведетъ къ добродѣтели и не дѣлаетъ лучшимъ своего любителя. У насъ одно великое дѣло и имя—быть и именоваться христіанами, и симъ мы хвалились больше всего... Хотя для другихъ (не безъ основанія такъ думаютъ люди благочестивые) душепагубны Аѳины, потому что изобилуютъ худымъ богатствомъ—идолами, которыхъ тамъ больше, чѣмъ въ цѣлой Элладѣ, такъ что трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ, однако же не было отъ нихъ никакого вреда для насъ, сжавшихъ и заградившихъ сердце. Напротивъ того (если нужно сказать то, что нѣсколько необыкновенно), живя въ Аѳинахъ, мы утверждались въ вѣрѣ; потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ, и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются. И ежели дѣйствительно есть, или въ одномъ народномъ вѣрованіи существуетъ, такая рѣка, которая сладка, когда течетъ и черезъ море, и такое животное, которое прыгаетъ и въ огнѣ всеистребляющемъ, то мы походили на это въ кругу своихъ сверстниковъ" [1]). Такова сила семейнаго, и въ частности материнскаго добраго вліянія.—И впослѣдствіи, когда св. Григорій явился силь-

[1]) Творенія св Григорія Богослова. Надгробное слово Василію, архіепископу Кесаріи Каппадокійскія. Т. IV, стр. 75–76.

нымъ дѣятелемъ на церковно-административномъ поприщѣ, не изгладилась въ немъ печать материнскаго вліянія. Эта печать видна была не въ одномъ благочестіи предъ святынею, не въ одной преданности церкви и ревностномъ исполненіи ея уставовъ, что старалась внѣдрить въ его душѣ его мать, знавшая одно истинное благородство—быть благочестивою. Отъ матери онъ получилъ душу нѣжную, впечатлительную, отъ которой вѣяло женственною мягкостію и въ годы возмужалой крѣпости. Эта нѣжная, задумчивая и впечатлительная душа вылилась въ его безподобныхъ стихотвореніяхъ, которыя и нынѣ способны трогать и волновать души читателей. Отъ матери онъ наслѣдовалъ увлеченіе къ превыспреннему міру; подобно ей, прежде разлученія съ тѣломъ, онъ пресєленъ былъ отселѣ; по его словамъ, не ихъ міръ былъ этотъ міръ презираемый, но ихъ міръ былъ тотъ міръ предпочитаемый. При силѣ его ума и при богатствѣ его образованія, вслѣдствіе такого направленія, онъ сдѣлался мыслителемъ, созерцателемъ, постоянно обращавшимъ свое духовное око къ тайнамъ высшаго боговѣдѣнія, вносившимъ свѣтъ въ трудно постижимыя области христіанскаго знанія, за что почтенъ церковію титломъ „богослова".

Рядомъ съ Нонною, матерію св. Григорія Богослова, возвышается въ исторіи образъ другой великой матери, воспитавшей и давшей церкви окруженнаго величайшею славою вселенскаго учителя св. Іоанна Златоуста, который матери своей Анѳусѣ обязанъ первыми твердыми начатками своего благочестія. Оставшись вдовою на двадцатомъ году своей жизни, эта необыкновенная мать не думала о новомъ замужествѣ, хотя ея молодость, красота и богатство вызывали искателей руки ея, но всю себя посвятила воспитанію сына, и имъ однимъ жила. Она не только доставляла ему средства для пріобрѣтенія возможно лучшаго гуманнаго образованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и еще болѣе, доступными ей средствами,

утверждала его въ томъ добромъ христіанскомъ направленіи, которое считала наиболѣе важнымъ и полезнымъ для человѣка; она хотѣла, чтобы сынъ ея былъ не только образованный человѣкъ, но первѣе всего добрый, примѣрный христіанинъ. При себѣ старалась она держать его, заставляла его принимать участіе въ благочестивыхъ упражненіяхъ и отклоняла его отъ опаснаго сообщества, могущаго угрожать его нравственной чистотѣ. Она сдерживала порывы его юной, увлекающейся души и укрощала пылкость его характера, обнаруживавшуюся въ немъ съ первыхъ лѣтъ его развитія. Видя и цѣня беззавѣтную и заботливую любовь къ себѣ своей матери, святый Іоаннъ преданъ ей былъ всею душею и старался угождать всѣмъ ея желаніямъ. И вотъ, по вліянію матери, онъ отказался отъ той блестящей, по тогдашнему, карьеры, какую сулилъ ему его учитель Ливаній, высоко цѣнившій его ораторскій талантъ и желавшій видѣть въ немъ своего преемника, и оставивъ внѣшнія развлеченія и удовольствія, цѣлію своей жизни поставилъ возможное достиженіе христіанской добродѣтели, и потомъ всѣ свои силы, свой талантъ и свое знаніе посвятилъ на служеніе церкви. Ливаній именно матери и ея вліянію приписывалъ такое рѣшеніе, давшее нежеланный для него оборотъ въ жизни его любимаго и высокоцѣнимаго ученика. Самъ св. Іоаннъ Златоустъ всегда сохранялъ трогательныя воспоминанія о своей матери и трудахъ воспитанія, ею понесенныхъ для него. Когда приходилось ему говорить о библейскихъ женахъ, имѣвшихъ попеченіе о дѣтяхъ и направлявшихъ это попеченіе къ тому, чтобы они пребывали въ вѣрѣ и любви, и во святыни съ цѣломудріемъ (напримѣръ объ Аннѣ, матери Самуила, о Соломоніи, матери Маккавеевъ), онъ съ особенною теплотою и трогательностію прославляетъ этихъ женъ, и видно, что, при мысли о нихъ, у него оживаетъ воспоминаніе о его собственной матери, не чуждой подвига этихъ женъ, и его лич-

ное чувство благодарной любви къ своей матери даетъ его слову и нѣжность и силу въ рѣчи о подобныхъ женахъ. Вліяніе его матери видно не только въ его нравственной дѣятельности, но и въ его проповѣднической практикѣ. Онъ былъ проповѣдникомъ любви, защитникомъ бѣдныхъ, утѣшителемъ скорбящихъ. Нѣтъ ли здѣсь яснаго слѣда, если не уроковъ, то жизненнаго примѣра его матери, которая была женщина сердобольная и не могла равнодушно видѣть чужихъ страданій? Не былъ ли въ этомъ отношеніи ея сынъ—проповѣдникъ подражателемъ своей матери, которая передала ему въ наслѣдіе свои выдающіяся нравственныя качества?

Могутъ дѣти и благочестивыхъ матерей уклоняться отъ того добраго пути, на который онѣ старались направить ихъ, и своимъ поведеніемъ причинять скорбь ихъ материнскому сердцу. Что тогда дѣлать имъ? Что дѣлать..? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ назидательный примѣръ одной благочестивой матери, записанный въ исторіи,—именно благочестивой Моники, матери блаженнаго Августина. Въ молодые годы этотъ, впослѣдствіи знаменитый, учитель церкви не устоялъ въ борьбѣ съ пылкими страстями, на восемнадцатомъ году жизни имѣлъ незаконнорожденнаго сына, и своимъ поведеніемъ причинялъ глубокую скорбь своей благочестивой матери. Утерявъ нравственную чистоту и рабствуя страстямъ, онъ утерялъ было и драгоцѣнное наслѣдіе православной вѣры,—перешелъ въ секту манихейскую, которой оставался вѣрнымъ около девяти лѣтъ. Глубоко сокрушалась мать Августина о паденіи своего сына. Словомъ материнской любви она хотѣла дѣйствовать на него, но онъ оставался глухъ къ внушеніямъ своей матери. Что-же дѣлаетъ она? Она предается усерднымъ горячимъ молитвамъ къ Богу,—въ этихъ молитвахъ повергаетъ предъ Богомъ свою материнскую печаль и проситъ у Него благодати, вразумляющей и врачующей заблуждающаюся грѣшника. Она обращается къ служителямъ цер-

кви и подвижникамъ, снискавшимъ уваженіе за свое благочестіе, и проситъ у нихъ совѣта, что ей дѣлать, чтобы возвратить сына церкви и благочестію, проситъ ихъ помощи для вразумленія и обращенія его. Святые мужи даютъ ей одинъ совѣтъ: *молись!* и вмѣстѣ съ тѣмъ обнадеживаютъ благо. датною помощію, которая будетъ наградою за ея усердныя молитвы. „Молись (говорили они)! Молись! Быть не можетъ, чтобы погибло чадо такихъ молитвъ“! И въ Августинѣ послѣдовала благодатная перемѣна, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ ожидать было можно. Изъ человѣка сладострастнаго онъ сдѣлался строгимъ подвижникомъ благочестія, изъ еретика и невѣрующаго—послушнымъ своимъ церкви, сильнымъ и ревностнымъ защитникомъ православнаго ученія. И эта перемѣна первѣе всего призвана была горячими молитвами матери.

Не слишкомъ ли уже много мы распространились о вліяніи матери на образованіе характера дѣтей и ихъ направленіе? Потому мы говоримъ объ этомъ, что высоко цѣнимъ служеніе женщины въ качествѣ матери — воспитательницы семейства, и въ этомъ служеніи ея видимъ главное призваніе ея, указанное ей самимъ Богомъ. Нигдѣ женщина не можетъ показать свое величіе, какъ въ усердномъ и вѣрномъ выполненіи этого своего призванія, и ничѣмъ не можетъ оказать другой высшей заслуги предъ церковію и обществомъ, какъ тѣмъ, если приготовитъ изъ дѣтей своихъ вѣрныхъ членовъ церкви и честныхъ слугъ обществу. Нынѣ часто слышатся голоса, зовущіе женщину изъ скромнаго и теплаго семейнаго круга на арену общественной дѣятельности, и не мало встрѣчается женщинъ, которымъ тѣсно въ семействѣ, и онѣ рвутся раздѣлять съ мужчинами труды общественнаго служенія. А иныя изъ нихъ по неволѣ должны искать себѣ занятій внѣ семейнаго круга; потому что при усложнившихся условіяхъ нашей общественной жизни, вслѣдствіе искусственной цивилизаціи, для многихъ затрудненъ и загражденъ путь къ приня-

тію на себя высокаго и труднаго подвига матери. Мы не можемъ не отдавать дани уваженія усердію женщины, посвящающей свои силы и свое время выполненію какого либо долга общественной службы,—въ званіи ли сестры милосердія или на педагогическомъ поприщѣ, особенно когда ей не выпалъ жребій свить себѣ семейное гнѣздо. Но какъ бы ни было благоплодно служеніе женщины, внѣ семейнаго круга, въ какомъ либо родѣ общественной дѣятельности,—мы не можемъ равнять его съ трудомъ матери, доброй устроительницы семейнаго дома. По назначенію женщины, Богомъ ей указанному, общественное служеніе ея, какого бы рода оно ни было, если она беретъ его на себя,—не главное, а второстепенное ея занятіе. И трудъ жены-матери и тяжелѣе и цѣннѣе, чѣмъ трудъ женщины, вышедшей изъ семьи на арену общественной дѣятельности. Вы поймете и возчувствуете это, когда вспомните свою собственную мать, ея болѣзни рожденія, ея безсонныя ночи, ея безпокойныя заботы о насъ, ея тревоги и опасенія за насъ и трепетныя біенія сердца, когда она слѣдила за каждымъ шагомъ нашимъ. Да развѣ съ этимъ несоизмѣримымъ трудомъ можетъ сравниться трудъ, положимъ, самой усердной наставницы и воспитательницы чужихъ дѣтей? Холодно и спокойно послѣдняя выполняетъ свое дѣло, не испытывая никакой болѣзненности. А мать вся, какъ въ огнѣ, горитъ, поглощенная заботою о храненіи своего дитяти. По выраженію одного писателя, мы, мужчины, съ болѣе крѣпкими нервами и мускулами, не выдержали бы и половины того невиднаго, но тяжелаго и часто мало цѣнимаго труда, какой несутъ матери—хранительницы нашего рода. Одинъ Богъ, наложившій на нихъ тяжелое бремя, даетъ имъ силы нести это бремя.

Жена спасется чадородія ради (говоритъ апостолъ 1 Тим. 2, 15)—чадородія ради, соединеннаго съ болѣзнями, и ради воспитанія чадъ, соединеннаго съ заботами и безпокой-

ствами. Вотъ путь ко спасенію, указанный женщинѣ. Всѣ другіе пути для нея—пути не прямые и побочные.

А чтобы надлежащимъ образомъ цѣнить заслугу женщины—матери, вспомните, что всѣ общественные дѣятели выходятъ изъ семейства, и семействомъ приготовляются для своего служенія. Семейство—первая основная ячейка, отъ которой зависятъ болѣе широкія формы жизни. Минуя семейство, можно ли выступить на широкую арену общественной дѣятельности? А въ семействѣ царица—мать: она здѣсь тоже, что матка въ пчелиномъ ульѣ. Ею все здѣсь заправляется, и если гниль и нечистота въ ячейкѣ, то вина за это падаетъ на нее, заправительницу дома.

Женскую половину рода человѣческаго возвеличила Пресвятая Дѣва, ставшая честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ. Чѣмъ возвеличила? Достоинствомъ Богоматери. Весь родъ человѣческій покланяется этой пресвятой Матери, взирая на ея икону, гдѣ она обыкновенно изображается съ предвѣчнымъ младенцемъ. Никогда она не является на поприщѣ общественной дѣятельности. Вся жизнь ея въ Младенцѣ, носимомъ ею на рукахъ; всѣ ея заботы и попеченія сосредоточены на Немъ одномъ, и Сынъ ея, за ея печали и ея материнскія попеченія о Немъ, воспринялъ ея душу, сопровождаемую сонмомъ ангеловъ, въ свои небесныя обители и далъ ей силу помогать страждущему человѣчеству, въ особенности тѣмъ, которыя, подобно ей, посвящаютъ свою жизнь воспитанію дѣтей своихъ. Въ каждомъ домѣ, полагаю, есть священная икона Богоматери съ Младенцемъ на рукахъ. Смотрите на нее съ благоговѣніемъ, вы матери, и слѣдуйте ей въ своемъ служеніи юнымъ лѣтораслямъ вашимъ, и если почувствуете тяжесть и безпокойство въ своемъ служеніи, воодушевляйте себя высокимъ примѣромъ Богоматери, и къ ея помощи обращайтесь, когда ослабѣваютъ силы ваши.

Еще многое недосказано нами въ разъясненіе того предмета, которому посвящена была рѣчь наша. Но мы боимся злоупотреблять вашимъ вниманіемъ, и чувствуемъ, что пора положить конецъ слову. Намъ извѣстно, что одинъ изъ уважаемыхъ сотрудниковъ нашихъ имѣетъ предложить вамъ болѣе подробное и обстоятельное рѣшеніе вопроса, нами затронутаго. Можетъ быть, вы нашли въ нашемъ словѣ что либо жесткое, и оно могло показаться мало отвѣчающимъ вашимъ ожиданіямъ. Но мы высказали то, что составляетъ наше сердечное убѣжденіе, и что считаемъ нужнымъ и полезнымъ для такого важнаго и святаго дѣла, какимъ служитъ воспитаніе дѣтей въ духѣ вѣры и благочестія. Наша цѣль будетъ достигнута, если наше недостаточное слово возбудитъ или усугубитъ въ комъ либо вниманіе къ этому святому дѣлу. А при вниманіи къ нему ваша любовь найдетъ и укажетъ надлежащія средства къ достойному выполненію его.

В. Пѣвницкій.

Епархіальная хроника.

Празднованіе дня тезоименитства Высокопреосвященнаго Ѳеогноста, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго.—14-го марта, въ день памяти иже во святыхъ отца нашего Ѳеогноста, Митрополита Кіевскаго (1328—1353 гг.), Кіевская епархія въ первый разъ праздновала день тезоименитства своего Архипастыря. Заблаговременно Духовная Консисторія сдѣлала распоряженіе, чтобы богослуженіе въ этотъ день отправлено было по благовѣщенской главѣ устава. Кромѣ сего. Преосвященный Сергій, епископъ Уманскій, объявилъ во всеобщее свѣдѣніе по Кіевской Епархіи слѣдующее: „по случаю дня тезоименитства Высокопреосвященнѣйшаго Ѳеогноста, ми-

трополита Кіевскаго и Галицкаго, каковой день нынѣ приходится въ среду пятыя недѣли великаго поста, согласно указаніямъ церковнаго устава,—какъ главы благовѣщенской, такъ равно и главы о храмахъ (40-я),—стихиры великаго канона должны быть перенесены на вечерню понедѣльника пятой недѣли, а великій канонъ (андреево стояніе) надлежитъ отправить, вмѣсто со среды на четвергъ, съ понедѣльника на вторникъ той же недѣли". Наканунѣ въ храмахъ Кіева совершено было всенощное бдѣніе, предваряемое благовѣстомъ съ „краснымъ звономъ",—пѣли „съ нами Богъ", на поліелей выходили епископы и настоятели монастырей и храмовъ. 14-го марта Божественную литургію по чину Іоанна Златоуста, въ соединеніи съ вечернею, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ совершалъ преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій, въ сослуженіи оо. архимандритовъ: ректора дух. семинаріи Константина, настоятеля Выдубецкаго монастыря Евлогія, вновь назначеннаго эконома Софійскаго митрополитанскаго дома Іоанникія, и соборнаго духовенства. По окончаніи литургіи, совершенъ былъ молебенъ небесному покровителю Высокопреосвященнаго владыки, святителю Ѳеогносту, митрополиту Кіевскому, съ возглашеніемъ многолѣтій Царствующему Дому, Св. Сѵноду и Высокопреосвященному имениннику съ Богохранимою его паствою. Въ служеніи молебна принимало участіе многочисленное городское духовенство. Въ Михайловскомъ монастырѣ Божественную литургію и молебенъ совершалъ преосвященный Сергій, епископъ Уманскій, а въ Братскомъ—преосвященный Димитрій, епископъ Чигиринскій, въ прочихъ же монастыряхъ и приходскихъ храмахъ—настоятели ихъ. Отъ духовенства г. Кіева послано было въ Петербургъ Его Высокопреосвященству самое сердечное привѣтствіе; таковое же привѣтствіе, съ выраженіемъ сыновней любви и пожеланія многихъ лѣтъ святительствовать, телеграммой отправлено было и отъ гражданъ города Кіева.

Благодарственныя Богослуженія по случаю избавленія отъ опасности Оберъ-Прокурбра Св. Сѵнода К. П. Побѣдоносцева, при покушеніи на его жизнь.—Вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь г. Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода д. т. с. К. П. Побѣдоносцева, какъ громомъ, поразила всѣхъ истинныхъ сыновъ православной русской церкви и все православное русское духовенство. Замѣчательный государственный дѣятель, славный профессоръ, признанный авторитетный знатокъ права вообще и, въ частности, каноническаго права, пользующійся широкою извѣстностію не только въ Россіи, но и во всемъ просвѣщенномъ мірѣ мыслитель, убѣжденный блюститель устава и всѣхъ обрядовъ православной церкви, около 20 лѣтъ непрерывно и усердно охраняющій интересы православія въ Россіи,—К. П. Побѣдоносцевъ пользуется заслуженнымъ уваженіемъ и любовію среди всѣхъ, кому дороги слава и честь нашего отечества и нашей православной церкви. Казалось-бы, что въ Россіи не могло найтись такого человѣка, который бы могъ питать вражду, и, тѣмъ болѣе, злой умыселъ противъ такого выдающагося дѣятеля, государственнаго и церковнаго, который къ тому же располагаетъ въ свою пользу своими личными выдающимися качествами, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ—безграничная доброта, сочувствіе всему доброму, свѣтлому и полезному. И однако же нашелся такой злодѣй, у котораго поднялась рука на жизнь великаго и любимаго человѣка. Но чѣмъ неожиданнѣе была вѣсть о покушеніи на жизнь г. Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода, тѣмъ большая была у всѣхъ радость о томъ, что Провидѣніе сохранило эту драгоцѣнную жизнь. По сему случаю, въ воскресенье 18 марта, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, по распоряженію Высокопреосвященнаго Ѳеогноста, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, совершены были архіерейскимъ служеніемъ литургія и затѣмъ благодарственное Господу Богу молебствіе. Литургію совершалъ преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій, въ сослуженіи

архимандритовъ: ректора Кіевской духовной семинаріи Константина, инспектора Кіевской духовной академіи Платона и настоятеля Кіево-Выдубецкаго монастыря Евлогія, каѳедральнаго протоіерея А. И. Браиловскаго и соборнаго духовенства. Въ служеніи-же молебна, кромѣ совершавшихъ литургію, приняли участіе также преосвященные епископы: Сергій Уманскій и Димитрій Чигиринскій и многочисленное городское духовенство. По окончаніи молебна, послѣ многолѣтій Царствующему Дому и Св. Синоду, возглашено было многолѣтіе и рабу божію болярину Константину.

Таковыя же молебствія, 12-го марта, совершены были: 1) въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ у раки св. великом. Варвары; 2) въ большой церкви Кіево-Братскаго монастыря ректоромъ духовной академіи, преосвященнымъ Димитріемъ, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ; 3) въ Петропавловской церкви Кіевской духовной семинаріи, о. ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Константиномъ, въ присутствіи начальствующихъ, учащихъ и учащихся; 4) въ домовыхъ церквахъ духовныхъ (мужскихъ и женскихъ) училищъ, въ присутствіи всего педагогическаго персонала. Отъ Кіевской духовной академіи послана была г. Оберъ-Прокурору слѣдующая телеграмма: „съ благоговѣніемъ предъ Всевышнимъ и съ живѣйшею радостью приняла Кіевская духовная академія вѣсть о спасеніи Васъ милостію Божіею отъ грозившей Вашей жизни опасности. Сегодня академія, въ полномъ составѣ учащихъ и учащихся, вознесла Господу Богу благодареніе за избавленіе Васъ отъ напасти и моленіе о Вашемъ здравіи и благоденствіи. Да хранитъ Васъ Господь на многіе годы“.

Ректоръ академіи епископъ *Димитрій*.

На эту телеграму К. П. Побѣдоносцевъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ на имя ректора академіи:

„Сердечно благодарю Ваше Преосвященство и академію за доброе сочувствіе, встрѣтившее молитвою вѣсть о бывшемъ

на меня посѣщеніи. Слава Богу—живъ еще: „не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни!“ А вамъ да поможетъ Богъ уберечь ввѣренное вамъ юношество отъ гибельной заразы,—отъ лжи и обольщенія“.

Богословское чтеніе. Съ Благословенія высокопреосвященнаго Өеогноста, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, совѣтъ Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго общества, по примѣрамъ прежнихъ лѣтъ, озаботился устройствомъ богословскихъ чтеній для образованной публики втеченіе великаго поста этого года. Первое богословское чтеніе было предложено въ воскресенье, 4 марта, въ залѣ Фундуклеевской женской гимназіи, заслуженнымъ ординарнымъ професоромъ Кіевской духовной академіи, В. Ө. Пѣвницкимъ, на тему: „о христіанскомъ воспитаніи дѣтей“. На собраніи, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго, присутствовало около 400 слушателей-любителей духовнаго просвѣщенія. Почтенный профессоръ, учитель почти всего духовенства города Кіева, вотъ уже въ третій разъ выступаетъ съ своими богословскими чтеніями отъ нашего духовно-просвѣтительнаго общества. Всѣ эти чтенія его, образцово составленныя и образцово-же произносимыя, производили сильное впечатлѣніе на слушателей сердечностью рѣчи и высокимъ христіанскимъ настроеніемъ духа оратора. По окончаніи чтенія, преосвященный Предсѣдатель выразилъ В. Ө. Пѣвницкому отъ совѣта духовно-просвѣтительнаго общества искреннюю благодарность, къ какой присоединились и всѣ присутствовавшіе на собраніи. Въ заключеніе Преосвященный Сергій и отъ себя сказалъ краткое слово о материнскихъ попеченіяхъ св. православной церкви о своихъ чадахъ, призывая всѣхъ къ любви, преданности и полному послушанію ея уставамъ. Церковныя пѣснопѣнія на собраніи исполнялъ архіерейскій хоръ Михайловскаго монастыря.

Великопостныя Пассіи.—По издавна установившемуся въ г. Кіевѣ обычаю, въ пятки первой, второй, третьей и четвертой седмицъ великаго поста этого года (16 и 23 февр., 2 и 9 марта) въ Кіевскихъ монастыряхъ, соборахъ и храмахъ совершены были пассіи, съ произнесеніемъ поученій. На пассіяхъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, проповѣди произносились гг. профессорами духовной академіи на слѣдующія темы: 1) „Взглядъ христіанина на скорби и напасти, насъ постигающія" (В. Ѳ. Пѣвницкій); 2) „о молитвѣ" (Н. К. Маккавейскій); 3) „о вѣрности Христу" (П. П. Кудрявцевъ); 4) „о вѣрности уставамъ св. церкви" (В. П. Рыбинскій).

На всѣхъ четырехъ пассіяхъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ произносилъ поученія Преосвященный Сергій, епископъ Уманскій, раскрывая слѣдующія мысли: *на первой пассіи*—„о двухъ разбойникахъ, распятыхъ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ" (о душеспасительности покаянія и гибельности отъ нераскаянности); *на второй пассіи*—на слова изъ Евангелія отъ Матѳея (гл. 27, ст. 21, 22): „кого хощете отъ обою отпущу вамъ; они же рѣша: Варавву. Глагола имъ Пилатъ; что убо сотворю Іисусу, глаголемому Христу: глаголаша ему вси: да распятъ будетъ" (изъясненіе этихъ словъ въ примѣненіи къ обстоятельствамъ общественной и народно-бытовой современной жизни).—*На третьей пассіи*—„о Богочеловѣчествѣ Іисуса Христа, на основаніи словъ пророка Исаіи: „Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе міра нашего на немъ, язвою его мы исцѣлѣхомъ" (гл. 53, ст. 5), въ обличеніе современныхъ мыслей, что Іисусъ Христосъ есть только Учитель, а не Спаситель міра.—*На четвертой пассіи*—на слова евангелиста Луки (гл. 23, ст. 49): „Стояху же (при крестѣ) вси знаеміи его издалеча, и жены, спослѣдствовавшія ему отъ Галилеи, зрящя сія"—о любви къ Спасителю св. женъ мироносицъ и другихъ женъ, образы которыхъ проходятъ чрезъ

всю исторію церкви, въ обличеніе современнаго участія русскихъ женщинъ въ уличныхъ безпорядкахъ.

Иноепархіальная хроника.

Объ обязанностяхъ благочинныхъ по отношенію къ народнымъ школамъ гражданскаго вѣдомства.—Въ § 48 инструкціи благочинному сказано: „благочинный долженъ наблюдать за обученіемъ дѣтей въ сельскихъ школахъ"... Тобольское Епарх. Начальство (Тобол. Еп. Вѣд. 1900 г. № 17), въ разъясненіе вопроса, какъ благочинному производить таковое наблюденіе, постановило:„ а) о.о. благочинные обязаны посѣщать всѣ сельскія начальныя училища, а также двухклассныя школы гражданскаго вѣдомства не въ качествѣ только случайныхъ посѣтителей, а какъ уполномоченные Епарх. Начальствомъ наблюдатели и за преподаваніемъ и за усвоеніемъ учащимися: 1, Закона Божія, 2, церковно-славянской грамоты и 3, церковнаго пѣнія. б) Кромѣ учебной стороны въ преподаваніи Закона Божія о. о. благочиннымъ необходимо тщательно вникать и въ воспитательное вліяніе изучаемаго на учащихся, выражающееся въ усвоеніи ими добрыхъ навыковъ, въ благоговѣйномъ предстояніи во время богослуженій, въ скромномъ поведеніи, въ послушаніи своимъ пастырямъ и наставникамъ и т. п. в) Въ преподаваніе тѣхъ учебныхъ предметовъ, которые выше не указаны, благочинные не должны вмѣшиваться, а тѣмъ болѣе не имѣютъ права что-либо начальнически приказывать. г) Наконецъ, рекомендуется о. о. благочиннымъ содѣйствовать образованію изъ учащихся пѣвческихъ хоровъ, для участія въ церковномъ богослуженіи".

Нельзя не признать это распоряженіе въ высшей степени полезнымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ, причемъ желательно,

чтобы о. о. благочиннымъ, обремененнымъ многосложными обязанностями своей должности, въ дѣлѣ наблюденія за сельскими народными училищами, въ указанныхъ отношеніяхъ, пришли на помощь уѣздные и окружные, гдѣ есть, о. о. наблюдатели церковно приходскихъ школъ.

Какъ отстоять право на захваченную церковную землю?— По наведеннымъ справкамъ, въ Кіевской духовной Консисторіи немного бываетъ дѣлъ о захватахъ церковной земли, но, въ дѣйствительности, захваты эти есть; и, очевидно, мѣстные причты, какъ ближайшіе хранители собственности церкви, стараются путемъ мирнаго соглашенія возвратить церкви утраченную не по ихъ винѣ собственность. Священникъ Симбирской епархіи В. Благоразумовъ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ ведшій судебное дѣло о возстановленіи права собственности на захваченныя 24 десятины церковной земли, стало быть, наученный горькимъ опытомъ, сообщаетъ для нѣкотораго руководства духовенства слѣдующую практическую замѣтку по намѣченному вопросу (Симб. Еп. вѣд. 1900 г., № 24). „Заинтересованный священникъ изъ духовныхъ журналовъ и практическихъ руководствъ можетъ узнать только одну половину дѣла. Онъ можетъ прочесть изъ 24 № Церк. Вѣд. за 1893 годъ докладъ сенатора Пахмана о томъ, что церковныя земли не могутъ быть отчуждаемы силою давняго владѣнія. Онъ можетъ узнать рѣшеніе Правительствующаго Сената 20 янв. 1893 г., въ этомъ смыслѣ состоявшееся, онъ можетъ быть знакомъ съ отношеніемъ г. Оберъ-Прокурора Св. Сvнода на имя преосвященныхъ о томъ, что духовныя установленія, въ силу рѣшенія Сената 20 янв. 1893 г., въ правѣ требовать удаленія съ земли незаконнаго пользователя. Но, согласно 813 ст. уст. гражд. судопроизводства, сужденія Сената имѣютъ обязательную силу только для того дѣла, по которому онѣ состоялись, для остальныхъ же дѣлъ по 815 ст. того же устава, имѣютъ значеніе руководства, съ которымъ судъ, конечно, долженъ считаться,

но которому можетъ противопоставить и свое толкованіе. Къ тому же вопросъ о церковномъ имуществѣ, и въ частности о землѣ, принадлежитъ къ числу затруднительныхъ и неодинаково рѣшаемыхъ въ судахъ... Вотъ почему и совѣтуется серьезное судебное дѣло этого рода передать адвокату за плату, взявши предварительно разрѣшеніе консисторіи". О. Благоразумовъ совѣтуетъ съ адвокатомъ заключить нотаріальное условіе; если-же нотаріальнаго условія съ адвокатомъ не будетъ, онъ, начавъ судебный процессъ, предъ слушаніемъ дѣла въ судѣ можетъ отъ защиты отказаться, или возвысить плату. Въ заключеніе приводимой замѣтки добавлено, что въ судебномъ процессѣ о возвратѣ утраченной церковной земли право бѣдности, т. е. освобожденіе церкви отъ уплаты судебныхъ пошлинъ, окружнымъ судомъ не принимается, а на переписку о томъ, какъ бы выхлопотать право бѣдности церкви, требуется слишкомъ много времени. Съ благодарностію составителю принимая это практически руководственное указаніе, подчеркиваемъ въ немъ и назидательную сторону, чтобы священники, если только представляется возможность, меньше фигурировали въ залахъ судебныхъ учрежденій. О, какъ это желательно во избѣжаніе возможныхъ соблазновъ! Вѣдь это дѣйствительная правда, что, вслѣдствіе общей намъ-священникамъ юридической неподготовленности и отсутствія практики, рѣдкій изъ насъ можетъ умѣло пользоваться закономъ и съ успѣхомъ вести судебный процессъ.

Записка, читанная въ коммисіи по устройству въ Москвѣ дома для епархіальныхъ учрежденій.—Въ этой запискѣ обращаетъ вниманіе характеристика прискорбнаго религіозно-нравственнаго состоянія православнаго общества въ настоящіе дни. „Изъ церковнаго общества, по словамъ записки, безостановочно уходятъ, правда не de officio, но de facto, его члены. Уже и теперь можно сказать, что въ городѣ Москвѣ, сравнительно еще наилучшемъ изъ всѣхъ городовъ Россіи по ре-

лигіозно-нравственному состоянію, болѣе половины образованныхъ православныхъ христіанъ нужно считать христіанами только *номинальными*, т. е. по церковно-метрическимъ записямъ ихъ въ ряду православныхъ, а никакъ *не дѣйствительными*, внутренно или сердечно привязанными къ церкви. Попробуйте составить списокъ не призрачныхъ, а дѣйствительныхъ христіанъ,—на основаніи свободнаго и безбоязненнаго заявленія каждымъ изъ такъ называемыхъ „православныхъ“ его религіозной настроенности и его внутренняго отношенія къ церкви,—и вы поразитесь картиной страшнаго опустошенія въ рядахъ чадъ нашей святой матери, православной церкви. Отсюда, если ослабленіе вѣры будутъ продолжаться и впредь, и притомъ въ такой же быстро-возрастающей прогрессіи, въ какой мы наблюдаемъ его до сего времени, если усиленію и распространенію невѣрія въ православно-русскомъ мірѣ не будетъ противопоставлено преградъ чисто религіозно-нравственнаго характера, то, пожалуй, чрезъ какіе нибудь немногіе десятки лѣтъ и оффиціальное счисленіе православныхъ уже не въ состояніи будетъ прикрывать явнаго и безспорнаго умаленія членовъ православно-христіанскаго общества“. Въ виду этого „въ наше время духовно-просвѣтительная дѣятельность пастырей церкви *внутри самого православнаго міра* должна развернуться во всю полноту энергіи пастырей, поставляя себѣ задачей пробужденіе и оживленіе религіозно-нравственнаго сознанія въ чадахъ православной церкви, возвращеніе заблудшихъ овецъ въ стадо Христово и охраненіе ихъ отъ расхищенія духовными татями и волками“. Но одного тутъ не хватаетъ Московскимъ пастырямъ и именно—постояннаго мѣста, своего дома, гдѣ-бы сосредочилась церковно-просвѣтительная дѣятельность духовенства. Обращаясь ко всѣмъ Московскимъ епархіальнымъ учрежденіямъ съ просьбою о матеріальномъ содѣйствіи для постройки такого дома, названная записка указываетъ въ концѣ поучительный при-

мѣръ отзывчивости на насущныя духовныя потребности времени пастырей С.-Петербурга и *Кіева* (Моск. Церк. Вѣд. 1900 г. № 45). Дѣйствительно, духовно-просвѣтительное общество въ г. Кіевѣ замѣтно оживило мѣстную религіозно-православную жизнь; но и оно еще припуждено скитаться по чужимъ домамъ. Впрочемъ, надѣется оно, съ помощью Божіею, скоро—скоро устроиться въ собственномъ домѣ, лишь бы рука дающаго не оскудѣла. Можетъ быть, найдется такой добрый человѣкъ среди епархіальнаго духовенства въ селахъ и городахъ и пришлетъ свою лепту на постройку дома нашего духовно-просвѣтительнаго общества. Въ этомъ святомъ дѣлѣ „всякое даяніе благо".

Библіографическая замѣтка.

О новомъ росписаніи стѣнъ великой церкви Кіево-Печерской лавры. Н. Петрова. 1901 г. 20 стр.—Эта небольшая брошюрка знакомитъ читателей съ истиннымъ ходомъ и положеніемъ дѣла касательно новаго росписанія стѣнъ великой церкви Кіево-Печерской лавры, происходящаго нынѣ. Вполнѣ ясно понимая, какое важное значеніе въ исторіи и религіозномъ сознаніи многомилліоннаго православнаго русскаго народа имѣетъ великая лаврская церковь и, въ частности, ея стѣнопись, администрація лавры съ самаго начала приняла всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы исполнить росписаніе храма, какъ можно лучше, сообразнѣе величію и значенію святыни. Основная идея стѣнописи и размѣщенія священныхъ изображеній выработаны почившимъ митрополитомъ Іоанникіемъ, или, по крайней мѣрѣ, подъ его непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ. Для выполненія этого плана новой росписи великой лаврской церкви приглашены были вполнѣ компетентныя лица: профессоръ живописи император-

ской академіи художествъ В. П. Верещагинъ—по живописи и академикъ С. Н. Лазаревъ-Станищевъ—по орнаменту. Составленный ими общій планъ росписи стѣнъ великой церкви былъ предварительно разсмотрѣнъ и исправленъ императорскою археологическою коммиссіею, при участіи представителей св. сѵнода и императорской академіи художествъ, одобренъ св. синодомъ и восходилъ на Высочайшее утвержденіе, причемъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Ш, утверждая проэктъ новой стѣнной росписи великой лаврской церкви, 14 мая 1894 года изволилъ собственноручно начертать слѣдующія многознаменательныя слова: *„согласенъ. Надѣюсь, что не будутъ слишкомъ фантазировать*.

Не взирая на то, что, какъ видимъ, съ самаго начала были приняты всѣ необходимыя мѣры къ возможно лучшему исполненію стѣнописи, лаврская администрація и во время самаго производства работъ весьма внимательно слѣдила за ихъ ходомъ и, памятуя слова Незабвеннаго Монарха, отъ времени до времени собирала специальныя экспертныя комиссіи изъ представителей церковной археологіи и художниковъ для осмотра и отзыва о произведенныхъ работахъ. Въ отзывы экспертовъ-художниковъ о произведенной части росписи стѣнъ великой церкви въ послѣднее время вкрались личныя воззрѣнія на дѣло, съ рѣшительнымъ порицаніемъ всей произведенной доселѣ новой стѣнописи великой лаврской церкви, проникшія въ періодическую печать и вызвавшія нѣкоторое смущеніе въ читающей публикѣ. Разъясненію недоумѣній и устраненію личныхъ тенденцій, высказанныхъ по поводу происходящаго расписанія стѣнъ великой церкви Кіево-Печерской лавры, и посвящена настоящая брошюра. Спокойный, безпристрастный голосъ профессора, замѣчательнаго знатока церковной археологіи, создателя рѣдкаго музея, вселяетъ въ читателя совершенное спокойствіе и убѣжденіе, что расписаніе стѣнъ великой лаврской церкви, производимое авторитеными мастерами,

при самомъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу со стороны духовнаго собора лавры, совершится вполнѣ хорошо и сообразно важному значенію реставрируемой святыни.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

КЪ СВѢДѢНІЮ СОТРУДНИКОВЪ
КІЕВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

а) Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса.

б) По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніемъ и исправленіемъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку, предъ заглавіемъ рукописи.

в) Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными.

г) Непринятыя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ.*

Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій.*

Содержаніе: Отъ редакціи.—О религіозномъ воспитаніи дѣтей въ семействѣ.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальная хроника.—Библіографическая замѣтка.—Объявленіе.

Отъ Кіевск. духовн. цензур. Комитета печат. дозв. 26 марта, 1901 г.
Цензоръ проф. дух. Акад. прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.